

А.М. Ранчин
К ВОПРОСУ О ПАМЯТНИКАХ
БОРИСОГЛЕБСКОГО ЦИКЛА
КАК ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ

Аннотация: В статье рассматривается вопрос о достоверности известий, содержащихся в текстах Борисоглебского цикла, в которых убийцей Бориса и Глеба изображен Святополк Окаянный. Истинность этих известий вызывала и вызывает сомнения у ряда историков, склонных считать эту версию гибели по крайней мере Бориса фальсифицированной или при Ярославе Мудром, или при его сыновьях. Ученые — сторонники «конспирологической» гипотезы — считают, что подлинным убийцей по крайней мере Бориса был в действительности Ярослав Мудрый. По их мнению, истина сохранена в исландском памятнике — Пряди об Эймунде сыне Хринга, где рассказывается об убийстве русского конунга Бурицлава (отождествляемого этими историками с Борисом) по приказу брата Ярицлейва (Ярослава Мудрого). В статье рассматриваются прежде всего аргументы, выдвинутые одним из сторонников этой гипотезы К.А. Костроминым. Доказывается, что у Святополка были реальные основания для уничтожения Бориса и Глеба и что в произведениях Борисоглебского цикла нет явного домысла и противоречий, свидетельствующих об их недостоверности.

Ключевые слова: убийство Бориса и Глеба, Святополк Окаянный, Ярослав Мудрый, принципы престолонаследия, жития Бориса и Глеба, Повесть временных лет, Прядь об Эймунде сыне Хринга, Хроника Титмара Мерзебургского, проблема достоверности источников.

Andrey M. Ranchin
TO THE QUESTION OF THE WORKS
OF BORISOGLEBIAN CYCLE
AS HISTORICAL SOURCES

Abstract: The article considers the reliability of the news contained in the texts of the Borisoglebian cycle, in which Svyatopolk the Cursed is described as a murderer of Boris and Gleb. The truth of this news aroused and raises doubts among a number of historians who are inclined to consider this version of the events of the death of at least Boris falsified either during the reign of Yaroslav

the Wise or in times of his sons. Scientists — supporters of the ‘conspirological’ hypothesis believe that the real killer of at least Boris was in fact Yaroslav the Wise. In their opinion, the truth is preserved in the Icelandic text — Strand about Eymund son of Hring (Eymunder páttir Hringssomur), which tells about the murder of the Russian king Buritslav (identified by these historians with Boris) on the orders of his brother Yaritsleiv (Yaroslav the Wise). The article first of all considers the arguments put forward by one of the supporters of this hypothesis K.A. Kostromin. It is proved that Svyatopolk had real reasons for killing of Boris and Gleb, and that there is no obvious speculation and contradictions in the works of the Borisoglebian cycle that testify to their unreliability.

Keywords: the assassination of Boris and Gleb, Sviatopolk the Cursed, Yaroslav the Wise, principles of succession to the throne, the lives of Boris and Gleb, A Tale of Bygone Years, The Strand Eymund son of Hring (Eymunder páttir Hringssomur), Chronicle of Titmar of Merseburg, the problem of reliability of sources.

Вопрос о достоверности известных памятников Борисоглебского цикла (летописной повести под 6523 г. в составе Повести временных лет, Сказания и Чтения о Борисе и Глебе, проложных житий и так называемых небиблейских паремийных чтений), в которых убийцей Бориса и Глеба представлен Святополк Окаянный, уже на протяжении многих десятилетий является предметом научных дискуссий, вызванных некоторыми расхождениями между свидетельствами древнерусских источников и известиями современника событий хрониста Титмара Мерзебургского, а главное — как будто бы разительным противоречием между данными древнерусских текстов и сообщением так называемой Саги об Эймунде Хрингссоне (точнее, Пряди — вставного текста в составе Отдельной саги об Олаве Святом), повествующей об убийстве Эймундом и его людьми конунга Бурицлава (в менее точной транслитерации — Бурицлейва, или Бурислейфа) по приказанию Бурицлавова брата Ярицлейва¹. Ярицлейв — это, несомненно, Ярослав Мудрый; в Бурицлаве некоторые историки видят Бориса.

За время долгой полемики, казалось бы, уже были высказаны все аргументы и сторонников традиционной версии о Святополке — убийце святых братьев, и приверженцев гипотезы о Ярославе как виновнике гибели по крайней мере одного из них — Бориса².

---

¹ См. ее новейшее издание: [9, с. 294–319].

² Аргументы приверженцев «традиционной» точки зрения суммированы в статье А.А. Шайкина [45]. Соображения сторонников «конспирологической» ги-

Однако относительно недавно эта «конспирологическая» версия была вновь изложена К.А. Костроминым [20], который как суммировал прежде предлагавшиеся ее обоснования, так и предложил некоторые новые доказательства. На достоверности гипотезы о Яро-славе-братоубийце исследователь настаивает довольно категорично. Поэтому рассмотреть ее представляется необходимым.

Позицию тех ученых, которые в целом принимают версию событий 1015 г., изложенную в древнерусских памятниках, К.А. Костромин характеризует следующим образом: «Если внимательно вчитаться в работы историков, защищающих достоверность сведений, содержащихся в летописно-житийных памятниках о Борисе и Глебе, можно обратить внимание на то, что в большей или меньшей степени в них отвергаются: 1) историко-политическая логика и соображения целесообразности; 2) достоверность скандинавских источников, кстати лишенных какой-либо политической ангажированности; 3) наличие противоречий в летописно-житийных памятниках, иностранных письменных источниках и археологических данных; 4) наличие параллелей со сказаниями о Вячеславе Чешском, свидетельствующих о западно-христианских параллелях, в контексте которых вряд ли обвинение может быть возложено на западника Святополка. Но зато традиционно ориентированные историки признают только одно: неподсудность текстов поздней фиксации событий, зависящих от мнения княжеской власти и общественных стереотипов и предрассудков, каковыми являются русские письменные источники» [20, с. 59].

Парадоксальным образом в этом пассаже гипотетическое или даже гадательное, еще требующее обоснования, выдается за установленное или очевидное. «Историко-политическая логика» может быть различной, и можно привести очевидные соображения, объясняющие, почему для Святополка была «целесообразной» и желанной гибель Бориса и Глеба. Скандинавские источники не содержат никакой «достоверной» версии об убийстве Бориса и Глеба Ярославом: в одном из них лишь сообщается о предании смерти некоего Бурицлава (в более старой транслитерации — Бурицлейва, или Бурицлейфа) по приказу брата Ярицлейва. Если Ярицлейв бесспорно отождествляется с Ярославом Мудрым, то тождество Бурицлава с Борисом и вообще

потезы обобщены и развиты в книге С.М. Михеева [24, с. 195–264]. Обзор разных точек зрения см. в гл. 3.2 книги Д.А. Боровкова [1].

историчность этой фигуры абсолютно неочевидны. Что касается двух последних постулатов К.А. Костромина, то они попросту неверны.

Разберем все утверждения по порядку.

Характеризуя позицию сторонников версии о Святополке — убийце Бориса и Глеба, К.А. Костромин ее искажает, а также прибегает к откровенному домыслу. Он пишет: «Традиционный подход к решению проблемы состоит в абсолютном доверии русским летописным и агиографическим источникам и в некотором пренебрежении источниками иностранными. Историографическое наследие этого направления огромно. Новейшим исследованием, основанным на этом подходе, является монография Н.И. Милютенко о Борисе и Глебе. В данной концепции решающее значение придается единодушию русских источников, свидетельствующих об узурпации власти в Киеве Святополком, о его замысле убийства братьев Бориса и Глеба, чтобы воспрепятствовать их претензиям на киевский престол, о непротивлении святых братьев и мести за их смерть Ярослава. Основываясь на недостоверности сведений, которые содержат эпические произведения, а также на поздней (не ранее XIII в.) письменной фиксации скандинавских саг, сторонники традиционной точки зрения отказывают “Саге об Эймунде”, независимому и неоднозначному свидетельству об убийстве Бориса и Глеба, в праве считаться полноценным историческим источником. Сам ход событий усобицы 1015–1018 гг. в изложении отечественных источников в рамках данной концепции считается непротиворечивым хотя бы потому, что таковым он представлялся авторам “Чтения о Борисе и Глебе” и “Повести временных лет”» [20, с. 55–56].

Совершенно непонятно, почему в вину приверженцам «традиционного подхода»³ ставится «абсолютное доверие русским летописным и житийным источникам». Это попросту неправда. А.А. Шахматов, например, был склонен считать, что решающая битва между Ярославом и Святополком в 1019 г. произошла действительно на реке Альте, где, согласно летописной повести и Сказанию, был предан смерти Борис, а убиение Бориса произошло в каком-то другом месте и лишь

---

³ Правильнее, конечно же, говорить не о «подходе» (методе интерпретации источников), а о точке зрения. Методы анализа и истолкования текстов и у «традиционалистов», и у «новаторов» в главном одинаковы; однако указание на традиционность подхода как будто бы содержит дискредитирующую установку: «традиционалисты» оказываются архаичными, «замшелыми» в своем подходе.

позднее было приурочено к берегам этой реки, чтобы акцентировать мотив божественного возмездия «новому Каину» [46, с. 75]. Н.И. Милютенко также полагает, что вопреки историческим фактам Альта была названа древнерусскими книжниками местом убиения старшего из двух братьев с целью объединить два локуса — тот, где был совершен великий грех, и тот, где преступник потерпел поражение [41, с. 93–94]. И А.А. Шахматов, и Н.И. Милютенко указывают на противоречивость версии гибели Бориса в Сказании о Борисе и Глебе, отмечая такую дублировку, как «двойная смерть» святого. А.А. Шахматов находит такую же дублировку и в летописной повести о Борисе и Глебе. По его предположению, в этих текстах контаминированы два разных предания о месте кончины Бориса. Н.И. Милютенко склонна считать, что Святополк был убит по приказанию Ярослава, и усматривает след этого события в памятниках цикла (уподобление убийцы Бориса и Глеба Авимелеху, смерть которого была насильственной) [41, с. 124–133]⁴. А.А. Шахматов [46, с. 71–72] отмечал, что в летописной повести и Сказании сообщение о весте Глебу от Ярослава, предупреждающего князя-отрока о намерениях Святополка, является интерполяцией. Неоднократно отмечались многими учеными противоречия между Чтением о Борисе и Глебе, с одной стороны, и летописной повестью и Сказанием — с другой: княжение Бориса во Владимире-Волынском или в Ростове; пребывание при дворе отца в Киеве или княжение в Муроме; убиение Глеба, бежавшего из Киева, или предание отрока смерти по пути в Киев. Кроме того, большинство исследователей считают известия житий о юношеском возрасте Бориса и отроческом Глеба не соответствующими истине. Свидетельство Сказания и Чтения о возрасте страстотерпцев они признают недостоверным и тенденциозным, призванным подчеркнуть грех «нового Каина» и чистоту и невинность младшего из святых⁵.

Таким образом, в сочинениях Борисоглебского цикла представлена не одна («единодушная») версия событий, а как минимум две: если летописная повесть, Сказание, проложные жития именуют Глеба муромским князем и сообщают о вызове Святополком под предлогом

---

⁴ Мне аргументы в пользу этой гипотезы представляются очень слабыми, но это уже другой вопрос.

⁵ См. обзор работ на эту тему в статье А. Поппэ [35, с. 308–312], считающего это сообщение достоверным, с чем я готов согласиться.

тяжелой болезни отца в Киев и убиении по пути в столицу, то в Чтении Нестора сказано, что Глеб по малолетству еще не был возведен на княжение и жил при дворе Владимира; узнав о его кончине и об умысле Святополка, он бежал из Киева вверх по Днепру, но был достигнут Святополковыми посланцами.

Неверно, между прочим, утверждение К.А. Костромина, что «традиционалисты» игнорируют известие польского хрониста XV в. Яна Длугоша, согласно которому Владимир завещал власть в Киеве младшим сыновьям Станиславу и Позвизду и что Борис и Святополк сообща действовали против Ярослава Мудрого, защищая от него Киев [20, с. 63–64]. Н.И. Милютенко, например, подробно пишет об этих уникальных известиях, частично принимая их истинность [41, с. 84–87]. Другое дело, что эти очень поздние сведения неизвестного происхождения не могут быть оценены с точки зрения достоверности, и считать на этом основании, как это делает К.А. Костромин, что Святополк никак не мог быть противником Бориса, зато им становился обделенный Ярослав, нет оснований.

Соответственно, никто из ученых, признающих версию об убийстве Бориса и Глеба, изложенную в древнерусских источниках, никогда не признавал и не мог признавать описание событий в них полностью непротиворечивым.

И наконец, если в Пряди об Эймунде, пусть и при тенденциозном ее прочтении, можно обнаружить свидетельство о предании Бориса смерти (в случае признания его прямым прототипом Бурицлава), то о Глебе она ничего подобного не сообщает: этот скандинавский источник вообще не знает такого князя.

Как уже было сказано, неверно, что сторонники «традиционной» версии отвергают «историко-политическую логику» событий 1015 г.: просто они исходят из *иной* логики событий, предполагающей другую интерпретацию. К.А. Костромин исходит из того, что Святополку попросту не было нужно убивать Бориса, поскольку тот, во-первых, как указывают все памятники Борисоглебского цикла, признал власть сводного брата над Киевом и, во-вторых, потому что «мнимый» братоубийца был старшим среди сыновей Владимира и Борис, как один из младших, не мог претендовать на верховную власть: «Зачем Святополку, имеющему право на престол в Киеве, убивать младших братьев, когда они готовы, согласно всем житийным произведениям, уступить

ему старшинство без какой-либо борьбы? Наиболее последовательно эта идея изложена в “Сказании о Борисе и Глебе”, где первым об убийстве думает не Святополк, а Борис, как бы “предлагая” брату план действий и тут же отвечая на него нежеланием сопротивляться. Противоречие, заложенное в житийный замысел, “выдает” содержание основной мысли, всецело заслуживающей доверия: Борис и Глеб не препятствуют намерению старшего брата по праву занять престол в Киеве. Эта идея никоим образом не противоречит ситуации, при которой Ярослав борется за престол в Киеве с братьями» [20, с. 63].

Эти соображения основываются на игнорировании мотива прозорливости святого, представленного в Сказании (Борис знает о намерениях Святополка) и, главное, на гадательном предположении о принципе старшинства как неписаном законе, обеспечивавшим право на киевский престол. Известный историк А.Е. Пресняков еще давно заметил по поводу ситуации, сложившейся в 1015 г. после кончины Владимира Святославича: «Во всяком случае, о каком-либо старейшинстве или о правах первородства в дошедших до нас известиях нет и речи⁶. Святополк захватывает власть, пользуясь своим присутствием в Киеве и поддержкой какой-то вышгородской партии, и немедленно начинает борьбу за единовластие, ведущую к гибели Бориса, Глеба, Святослава» [36, с. 33]. Впервые принцип майората был провозглашен только в завещании Ярослава Мудрого, содержащемся в Повести временных лет под 6562 (1054) г.⁷ Сам Ярослав в 1015–1019 гг. как раз оспаривал власть над Киевом старшего брата Святополка. Памятники Борисоглебского цикла, составленные отнюдь не в 1015 г., а намного позже, во-первых, могут отражать реалии и нормы, характерные для времени их создания; во-вторых, признавая власть Святополка

---

⁶ Не могу придавать значения благочестивым, часто цитируемым словам Бориса: «Не буди мнѣ взяти руки на брата свего старѣйшаго...» и т. д. Весь рассказ о нем — плод позднейшей идеализации Бориса и Глеба с точки зрения иного поколения; само понятие «быти въ отца мѣсто» трудно на основании одних этих слов переносить на времена Владимировых сыновей. — Примеч. А.Е. Преснякова. — А.Р.

⁷ Неясно, являются ли приведенные в Повести временных лет под 6532 (1024) г. слова Мстислава брату Ярославу «Сяди в своємъ Киевѣ: ты еси старейшей братъ» [32, с. 65] отражением реальных представлений описываемого времени или отражают позднейшую норму; так или иначе, до заключения мира Мстислав как будто бы готов был оспаривать у Ярослава власть.

как старшего брата и покоряясь его воле, Борис действует в соответствии с пониманием старшинства, выраженным в Ветхом Завете, а не ориентируется на какие-то неизвестные древнерусские неписанные законы⁸.

Есть резонные основания для очень давно высказанного предположения, что Владимир намеревался передать киевский трон именно Борису, чем и могли быть вызваны как бунт Ярослава против отца, так и действия Святополка. Одним из первых эту мысль высказал С.М. Соловьев, указавший, в частности, на передачу тяжело заболевшим Владимиром власти над войском именно Борису [42, с. 204–206], эту идею, в отдельных случаях подкрепленную новыми аргументами, поддержали М.С. Грушевский [6, с. 3], М.Д. Приселков [37, с. 38], А. Поппэ [51, р. 29–54; 52, s. 6; 35, с. 310–311], А.В. Назаренко [26, с. 512–515]. Даже если признавать существование еще в 1015 г. принципа старшинства, поведение Святополка хорошо объясняется в свете соображений С.М. Соловьева: «Давняя ненависть Святополка к Борису как сопернику, которому отец хотел оставить старший стол мимо его; явное расположение дружины и войска к Борису, который мог воспользоваться им при первом случае, хотя теперь и отказался от старшинства; наконец, что, быть может, важнее всего пример соседних государей, с одним из которых Святополк находился в тесной связи, объясняют как нельзя легче поведение Святополка: вспомним, что незадолго перед тем в соседних странах — Богемии и Польше, обнаружилось стремление старших князей отделяться от родичей насильственными средствами» [42, с. 206]⁹.

И наконец, если уж скептически оценивать известия древнерусских источников, то почему не усомниться в отказе Бориса бороться за власть? В принципе допустимо предположение, что Борис в своих притязаниях на киевское княжение просто не был поддержан отцовским войском и киевским ополчением. (Такое мнение иногда высказывается историками.) Уверенность К.А. Костромина, что агиографические или околжитийные (летописная повесть) тексты должны

---

⁸ См. об этом подробнее в моей книге: [39, с. 122–133].

⁹ Помимо приведенных С.М. Соловьевым параллелей (ср. их анализ в главе 3.4 книги Д.А. Боровкова [1]) можно вспомнить франкского короля Хлодвига, стремившегося, по свидетельству Григория Турского (II; 42), истребить всех родичей как потенциальных претендентов на его власть — независимо от их возраста [6, с. 59].

сохранять достоверные сведения о ситуации, о событиях, но при этом могут заменить одного из их участников (Ярослава на Святополка), ни на чем не основывается: чисто теоретически безысходная ситуация, в которой оказался Борис, могла быть позднее интерпретирована как проявление отказа от притязаний на власть и непротивления старшему брату. Я лично отнюдь не склонен признавать такую реконструкцию событий и полагаю возможным доверять древнерусским источникам, однако *полностью* исключить такую вероятность все же нельзя.

Что касается Глеба, то памятники Борисоглебского цикла действительно ничего не сообщают о его непокорности Святополку. Однако он мог рассматриваться «новым Каином» как потенциальный мститель за убийство старшего брата. Кроме того, он в любом случае был препоной на пути Святополка к единовластию.

Летописная повесть также сообщает об убийстве Святополком еще одного сына Владимира — Святослава Древлянского, сводного брата Бориса и Глеба. Неясно, следует ли, по логике К.А. Костромина, считать его тоже жертвой Ярослава, а не Святополка. Прядь об Эймунде этого князя даже не упоминает.

Так или иначе мотив, вызвавший злодеяния «нового Каина», убедительно представлен в памятниках Борисоглебского цикла. Как сказано в первом из трех небиблейских паремийных чтений, «не прѣподобно бо есть ковати ковѣ на брата своего. О, лютьѣ души твоей! понеже съвѣтъ зълъ съвѣща па правѣдиву своєю брату, рекъ тако: “избю братию свою и буду единъ властель в Руси”» [13, с. 116, л. 256 об.]. Эта же мысль варьируется в третьем чтении: «Начать помышляти: “избю братию свою и приму власть Рускую единъ”. И помысли высокъумиємь, а не вѣдьи, яко Богъ даетъ власть, ему же хочеть; поставляеть бо князя и царя Вышньии, емуже хочеть, даетъ» [13, с. 119, л. 258 об.].

Этот же мотив назван в Сказании о Борисе и Глебе: «Видѣвъ же дияволъ и искони ненавидяй добра челоувѣка, яко всю надежу свою на Господа положилъ есть святыи Борисъ, начать подвижнѣи бывати. И обрѣтъ, яко же преже Каина на братоубиство горяща, тако же и Святопѣлк, по истинѣ вѣторааго Каина, улови мысль его, яко да избиетъ вся наслѣдники отца своего, а самъ приметь единъ всю власть» [13, с. 32, л. 10 в].

Поскольку, как прежде всего свидетельствуют нумизматические данные¹⁰, Святополк считал себя сыном не Владимира, а им убитого брата Ярополка, поступки «нового Каина», помимо всего прочего, могли быть проявлением кровной мести.

Утверждение, что ученые-«традиционалисты» игнорируют параллели между житиями Вячеслава (Вацлава) Чешского и влияние этих житий на памятники Борисоглебского цикла, является по существу фальсификацией реального положения вещей в медиевистике. Действительно, Н.Н. Ильин, сторонник версии о Ярославе-братоубийце, придавал особое значение такому влиянию, утверждая, что вся история мученичества Бориса и Глеба «скроена» по лекалам так называемого Первого славянского жития Вячеслава, или Востоковской легенды [14]. Однако после него о преемственности древнерусских памятников по отношению к древнечешским писали А.И. Рогов, Дж. Ревелли и М.Ю. Парамонова, отнюдь не сомневающиеся в достоверности известий о Святополке — «новом Каине» (на их работы К.А. Костромин ссылается), и Б.Н. Флоря и Н. Ингем — также принимающие «традиционную» точку зрения (эти исследования, кроме одной ранней работы американского слависта, К.А. Костроминым проигнорированы)¹¹. Наличие в памятниках Борисоглебского цикла заимствований из житий Вячеслава или переключек с ними объясняется влиянием культа чешского правителя на почитание русских братьев, оно затрагивает прежде всего план выражения в древнерусских памятниках, но никак не доказывает фальсификацию в них событийного плана. Кроме того, исходя из логики Н.Н. Ильина, некритично принятой К.А. Костроминым, следовало бы признать измышлением сам факт убийства Бориса, а не имя конкретного преступника — Святополка Окаянного. Преемственность текстов, посвященных Борису и Глебу (прежде всего Сказания), по отношению к вацлавской агиографии не составляет ничего из ряда вон выходящего, свидетельствуя о рецеп-

---

¹⁰ См. обзор и оценку мнений об отце Святополка: [39, с. 337–361].

¹¹ См.: [49; 50]. Стоит добавить, что ссылка К.А. Костромина [20, с. 65] на монографию Б.А. Успенского как на исследование, в котором якобы проводится мысль о том, что образцом для составления небиблейских паремийных чтений Бориса и Глебу послужил католический бревиарий, содержащий житие Вячеслава, абсолютно безосновательна и искажает реальные факты: автор книги «Борис и Глеб: Восприятие истории в Древней Руси» как раз оспаривает такое объяснение, принадлежащее А.И. Соболевскому; см.: [43, с. 14–18].

ции древнечешских произведений в соответствии с принципами так называемой «открытой традиции», характерными для древнерусской словесности.

Справедливым из постулатов К.А. Костромина можно признать лишь характеристику Пряди об Эймунде как независимого и неангажированного источника¹². Но независимый статус источника и незаинтересованность его составителей в *намеренном* искажении фактов еще не означают, что эти факты не могли быть искажены по другим причинам (из-за временной дистанции между источником и событием, под влиянием механизма, определяющего сложение и бытование саг как вида эпоса).

В Пряди об Эймунде, как показали критики «конспирологической» версии событий 1015 г., содержатся многочисленные анахронизмы, случаи явного домысла, порой выглядящие абсурдно в сравнении с историческими фактами: похищение Эймундом жены Ярицлейва Ингигерд и ее передача брату Ярицлейва Вартилаву (его отдаленный прототип — полоцкий князь Брючислав, племянник Ярослава Мудрого), вокняжение Вартилава-Брючислава в Кэнугарде-Киеве и уход Ярицлейва в Хольмгард-Новгород, передача благодарным Вартилавом Эймунду Палтескью (Полоцка)¹³. Сложная конфигурация событий и исторических персонажей в 1015–1019 гг. сведена в Пряди к фольклорному мотиву противостояния трех братьев — русских конунгов Ярицлейва, Бурицлава и Вартилава. Отмечая, что в Пряди историческая реальность искажена и трансформирована в соответствии с законами эпоса¹⁴, исследователь тем не менее утверждает: «Главное — расстановка сил; противостояние действующих персонажей эпос сохраняет как свою основу, и ей мы можем доверять. Сюжетные детали и характеристики героев, порой бытовые, служат

---

¹² Мысль эта, однако, не нова и повторяется всеми сторонниками «конспирологической» гипотезы.

¹³ См. об этих несообразностях: [16, с. 104; 45, с. 359–364, 369].

¹⁴ Не очень ясны ссылки на Дж. Фрэзера и В.Я. Проппа как ученых, якобы отмечавших ценность эпоса как исторического источника [20, с. 60]. Это не так, если подразумевать под историческим источником текст, содержащий фактически достоверные сведения. Дж. Фрэзера интересовали не исторические сведения, а семантика мифов и ритуалов, В.Я. Пропп не рассматривал в качестве «резервуара» исторических фактов ни исследованные им былины, ни детально рассмотренные волшебные сказки.

для узнавания читателем известного ему лица. Это то, чему историк может доверять, опираясь на скандинавские саги» [20, с. 60]; «Именно этой расстановке сил, содержательной сути “Саги об Эймунде”, и можно доверять: Ярослав выступает против Святополка и Бориса с помощью наемной варяжской дружины» [20, с. 61].

Как и другие сторонники версии о Ярославе-братоубийце, К.А. Костромин отмечает: «Убийство же Бурицлейфа очень похоже на смерть святого Бориса, налицо также сходство их имен» [20, с. 61]. В действительности убийство Бурицлава Эймундом и убиение Бориса не совпадают в важных деталях: предводитель варяжского отряда использует хитрость, смерть конунга обнаруживается его людьми только утром, никто из дружинников Бурицлава не гибнет. Но главное не это. Сюжет Пряди об Эймунде, как показали Р. Кук [48, р. 65–89], Т.Н. Джексон [7, с. 161–174] и А.А. Шайкин [45, с. 366], соткан из общих мест, характерных для сюжетосложения саг и некоторых других повествовательных текстов¹⁵. Имя Бурицлав в скандинавских текстах обычно является транслитерацией славянского имени Болеслав. Так, в «Драпе об Олаве Трюгвасоне» (996 г.) Халльфреда Трудного Скальда из «Круга земного» упомянут «конунг в Винланде» (у прибалтийских славян-вендов), чье имя, очевидно, соответствует исконному Болеслав [12, с. 57, пер. Т.Н. Джексон]. Так как образ Бурицлава в Пряди об Эймунде, как признает сам К.А. Костромин, является контаминацией припоминаний о нескольких реальных участниках событий 1015–1019 гг. — о Святополке, Борисе и тесте Святополка польском князе Болеславе Храбром¹⁶, — уместно видеть в его имени вариацию имени Болеслав¹⁷.

А.В. Назаренко справедливо заметил об источниковой ничтожности Пряди: «Первым делом из числа источников “с решающим голосом” необходимо исключить “Прядь об Эймунде”, причем не только

---

¹⁵ Попытка С.М. Михеева, считающего Прядь достоверным источником, реконструировать первоначальную версию ее сюжета [24, с. 219–254] основывается на произвольных допущениях, как отметила Т.Н. Джексон; см.: [9, с. 355–356, примеч. 48].

¹⁶ Это мнение высказывают как сторонники традиционной версии о Святополке — убийце Бориса, так и их оппоненты. См. обзор работ: [9, с. 357–358]. См. также, например: [25, с. 167].

¹⁷ Как напоминает А.В. Назаренко (см. цитату ниже в тексте статьи), именно этим именем польского князя называют саги.

потому, что в этом записанном лишь в конце XIII в. <...> произведении историческая действительность причудливо переплетена с литературно-саговыми мотивами <...>. Кроме того, гипотеза Н.Н. Ильина исходит из тождества Бурицлава с Борисом Владимировичем (обстоятельства убийства Бурицлава по приказу Ярицлейва напоминают обстоятельства убийства Бориса), тогда как сюжет “Пряди” требует видеть в Бурицлаве Святополка (названного именем своего польского тестя и покровителя; “Бурицлав” — имя Болеслава Храброго в скандинавских сагах <...>). И наконец, возможно, самое важное: анализ хронологии “Пряди об Эймунде” <...> показывает, что Эймунд прибыл на Русь после 1019 г., а следовательно, по своему содержанию “Прядь об Эймунде” является не исторической сагой, а чисто литературным произведением» [27, с. 453–454]¹⁸.

Строго говоря, из свидетельства Пряди о приходе Эймунда к Ярицлейву-Ярославу, когда тот уже был женат на Ингигерд (их брак был заключен в 1019 г.), еще нельзя заключать, что норвежец прибыл на Русь в 1019 г. или позднее — сообщение Пряди может быть простым анахронизмом, вызванным ошибкой памяти. Кроме того, С.М. Михеев указал, что приведенная А.В. Назаренко информация об именовании Болеслава Храброго в сагах Бурицлавом не вполне точна [24, с. 198, примеч. 300]. Однако эти частности никак не отменяют характеристики Пряди как скорее литературного сочинения, чем исторического источника.

Как заметила известная исследовательница скандинавских саг Е.А. Мельникова, для жанра саги (пряди) характерно подчинение фактов определенным повествовательным моделям, присущим жанру саги (пряди): если имеется главный герой, мужественный, решительный и хитроумный (Эймунд), спасающий недалекого и непредусмотрительного конунга (Ярицлейва), то у него должен быть сильный противник. И этого антагониста герой должен лишить жизни, выру-

---

¹⁸ Указание С.М. Михеева, что в концепции А.В. Назаренко, считающего, что Эймунд прибыл на Русь в 1019 г. (в этот год Ярослав женился на Ингигерд, упоминаемой в Пряди как его супруга), и одновременно утверждающего, что историческим прототипом Бурицлава Пряди был Святополк, который в 1019 г. был уже изгнан за пределы страны [24, с. 198, примеч. 300], есть противоречие, несостоятельно: Прядь просто объединила разновременные события, реальное участие или неучастие Эймунда в действиях против исторического Святополка совершенно неважно.

чая конунга. Историческая основа сюжета в Пряди об Эймунде переосмыслена «для создания “героического” образа Эймунда и развитой, детализированной и приукрашенной с помощью традиционных и узнаваемых для аудитории мотивов, почерпнутых в древнеисландском повествовательном фонде» [23, с. 264].

О Бурицлаве (Бурицлейве), воевавшем с Ярицлейвом, рассказывает также «Сага об Ингваре Путешественнике», но его судьба в этой саге рисуется иначе: «Бурицлейв, брат конунга Ярицлейва, напал на государство. Эймунд провел с ним 5 битв, но в последней был Бурицлейв пленен и ослеплен и привезен к конунгу» [12, с. 246, пер. Г.В. Глазыриной]. Здесь, как видим, судьба Бурицлава описана несколько иначе, а его победителем представлен *другой* Эймунд, именуемый сыном дочери конунга Эйрика из Свитьода (Швеции). «Сага об Ингваре Путешественнике» была сложена в качестве письменного текста, как и сага, содержащая Прядь об Эймунде¹⁹, видимо, поздно, не ранее середины XIII в.²⁰

Есть и вопиющий против отношения к сагам как к достоверным историческим источникам пример с упоминанием все того же Бурицлава (Бурислава) из скандинавской «Книги о занятии земли» (рукописи не ранее XIII в.), сообщающей, что некий Торгильс «женится на Элине, дочери конунга с востока из Гардов Бурислава и Ингигерд, сестры конунга великанов Дагтрюгга» [12, с. 237, пер. Г.В. Глазыриной и Е.В. Литовских]. Из этого известия уже нельзя извлечь никакой исторической информации.

Остается в силе лишь соображение о незаинтересованности Пряди об Эймунде в тенденциозном искажении фактов древнерусской истории. Это верно, но историческая память скандинавов была очень избирательна: «Все те события, которые происходили за пределами Скандинавии, являлись для составителей саг не более чем фоном, на котором разворачивалась деятельность их главных героев, и здесь го-

---

¹⁹ Рукопись, содержащая «Сагу об Олаве Святом», в состав которой включена Прядь об Эймунде, относится к концу XIV в. (1387–1394). С.М. Михеев — сторонник версии о Ярославле-убийце Бориса — полагает, что Прядь в какой-то форме могла записываться и раньше [24, с. 161–162], что в принципе возможно, но не доказуемо. В любом случае анахронизмы и домысел свидетельствуют в пользу ее позднего происхождения. Обычно создание Пряди датируют временем не позднее середины XIII в. См. обзор гипотез: [24, с. 159–162].

²⁰ Обзор мнений о времени сложения саги см. в кн.: [4].

ворить о каком-то “историзме” саг, о точном воспроизведении ими реальных событий не приходится. В этом отношении саги оказываются ближе к русским былинам, чем, например, к летописи. В силу специфики их как исторического источника в них не могут не соединяться самые разные сюжеты, самые разные действующие лица, не может не происходить смешения тех или иных хронологических ориентиров, повторения одних и тех же сюжетов применительно к разным персонажам. Наемники-скандинавы, несомненно, находились на службе не только у “Ярицлейва Хольмгардского”, но и у других русских князей, в том числе и у Святополка Киевского. Наверное, нельзя полностью исключать то, что в “Прядь об Эймунде”, действительно, оказались вплетены припоминания об убийстве скандинавскими наемниками (но не Эймундом, которого тогда еще не было на Руси!) князя Бориса Владимировича, чему не могло не способствовать сходство его имени с именем “Бурицлава”. <...> Но так или иначе, а все эти припоминания и переплетения в тексте скандинавской саги не могут служить основанием для обвинений в убийстве Бориса князя Ярослава Владимировича» [16, с. 104].

К.А. Костромин придает особое значение тому факту, что памятники Борисоглебского цикла были созданы спустя много десятилетий после событий 1015 г. Церковное прославление братьев он относит к 1072 г., без всяких оговорок именуя описание торжеств 1072 г. в Повести временных лет «канонизацией» [20, с. 62], хотя это перенесение мощей, которое лишь по одному косвенному признаку (сомнения митрополита Георгия в святости мучеников) иногда считают церковным прославлением. Исходя из позднего установления официального почитания святых, историк считает, что посвященные им произведения были написаны спустя значительное время после убийства страстотерпцев — только после церковного признания их святости. Одним из аргументов для этого утверждения является соображение, что формирование Борисоглебского культа в последнее при Ярославе десятилетие или при его сыне Изяславе, женатом на польской принцессе (брак был заключен в 1043 г.), было бы невозможным, так как «аналогия» со Святополком «могла бы повредить репутации Изяслава Ярославича, который был тоже женат на польской княжне» [20, с. 62]. Однако в памятниках Борисоглебского цикла о браке Святополка ничего не говорится — о нем сообщается только в Повести временных

лет, но не в статье 6523 (1015) г. Кроме того, невозможно утверждать, какие аналогии, представляющиеся нам очевидными, могли быть значимыми для людей далекого прошлого: механизмы их сознания нам не очень ясны. Иногда бесспорное для нас оказывается несуществующим для них. Так, имя Святополк, которое должно было стать одиозным по крайней мере после церковного прославления жертв братоубийцы, князя Рюрика дома продолжали как ни в чем не бывало носить даже в XII в. — долгое время имя не было «запретным»²¹.

Причисление же Бориса и Глеба к лику святых до брака Изяслава и Гертруды К.А. Костроминым отвергается на том основании, что в 1020–1040-х гг. еще были живы свидетели событий и Ярославу было бы сложно провести фальсификацию фактов [20, с. 62]. Таким образом, вывод (убийство Бориса и Глеба по повелению Ярослава) используется для доказательства датировки церковного прославления мучеников, а эта дата как раз призвана этот вывод обосновывать! Логический круг замкнулся...

Однако даже если это так и памятники цикла отстоят от 1015 г. на 50–60 лет²², то в любом случае их отделяет от убийства братьев промежуток значительно меньший, чем несколько столетий, лежащие между 1015 г. и второй половиной XIII в. — временем записи Пряди об Эймунде. Причем древнерусские книжники должны были быть

---

²¹ См. об этом: [21, с. 50].

²² Есть серьезные основания считать: описанное в Сказании о чудесах Романа и Давыда и в Чтении Нестора перенесение мощей Бориса и Глеба в новый храм при Ярославе Мудром и митрополите Иоанне было именно церковным прославлением святых [41, с. 45, 48–52; 28; 3; 38, с. 362–438], что предполагало, видимо, написание примерно в это же время их первого жития. Напомню: С.А. Бугославский считал, что Сказание о Борисе и Глебе было составлено еще при Ярославе Мудром [2, с. 211]. К.А. Костромин, упоминая работы А.В. Назаренко и Л. Мюллера, обосновывающие гипотезу о признании братьев святыми еще в княжение Ярослава, по существу не разбирает их аргументы, солидаризируясь с А. Поппэ, расхождение с которым в других положениях (например, о решении Владимира передать престол Борису или о царевне Анне как матери святых) он предпочитает скрыть. Что касается вероятного вставного характера летописной повести о Борисе и Глебе, то свидетельства вставки (обнаруженные задолго до К.А. Костромина [42, с. 321, примеч. 324; ср. 24, с. 121–122]) еще не обязательно означают, что эта повесть появилась впервые только в 1090-х гг. в составе так называемого Начального свода. Н.И. Милютенко доказывает ее древность в сравнении с другими памятниками, посвященными Борису и Глебу [41, с. 166–170], хотя ее аргументы небесспорны. См. в этой связи: [39, с. 74–94].

хорошо знакомы с устными рассказами, преданиями о гибели Бориса и Глеба, о чем свидетельствует и сохранение летописной повестью и Сказанием имен посланных Святополком убийц²³, и отражение в Сказании памяти о месте гибели Бориса, отличном от реки Альты (Дорогожич), и т. д.

Представляется логичным утверждение Д.А. Боровкова: «Историческая достоверность “Эймундовой саги” является неоднозначной. Хотя древнерусская традиция также достаточно тенденциозна, в определенной степени она представляется более надежным источником. Хотя бы потому, что формирование ее началось уже в XI в., тогда как письменная традиция исландских “королевских саг” сложилась на рубеже XII–XIII столетий» [1].

Сама по себе временная дистанция между событием и текстом, его отразившим, еще не является аргументом для отбрасывания содержащихся в этом источнике известий как недостоверных. Вспомним Сказание о Мамаевом побоище, написанное, как сейчас признается всеми учеными, не раньше конца XV в., а возможно, даже в первой трети XVI в. [17, с. 335–344]. Между Куликовской битвой 1380 г. и временем создания памятника больше ста лет, не исключено — почти сто пятьдесят. При этом только в нем содержатся уникальные сообщения о действиях Дмитрия Донского на поле боя (Дмитрий одевает в свои одежды боярина Михаила Бренка и велит возить за ним великокняжеский стяг) и о роли засадного полка, решившего исход сражения. И эти поздние свидетельства практически все историки признают истинными. Истинность или неистинность описанных в тексте событий зависит не столько от времени его создания, сколько от жанра и интенции составителя.

К.А. Костромин указывает на летописное сказание о призвании варягов как на пример, доказывающий, что фольклорная/устная традиция на протяжении многих веков способна сохранить память о реальных фактах и что, соответственно, Прядь об Эймунде в своей основе достоверна [20, с. 60–61]. Однако все намного сложнее. Во-первых, фактическая истинность призвания варяжских князей

---

²³ Ср. устное замечание А.В. Назаренко по этому поводу, приведенное С.М. Михеевым [24, с. 243]. Те же соображения высказал независимо от него А.А. Шайкин [45, с. 366]. Сомнения С.М. Михеева [24, с. 243–244] в раннем происхождении и достоверности перечня имен убийц, на мой взгляд, неоправданны.

и «ряда» с ними признается не всеми историками²⁴; во-вторых, в этом случае происходила передача в каких-то жанрах устной словесности (сагах, преданиях, песнях-драпах) памяти о событиях местной, древнерусской истории (даже если ядро сказания и сложилось в скандинавской дружинной среде, это была дружина русских князей), которые были хорошо известны; в-третьих, как уже было сказано, и летописная повесть, и жития Бориса и Глеба тоже должны были опираться на устную традицию, и неясно, почему им следует отказываться в достоверности, а в Пряди искать отражение исторических фактов.

Что касается ангажированности древнерусских сочинений, то она действительно проявляется, например, в утверждении автора Сказания о Борисе и Глебе, что Ярослав всегда побеждал Святополка: «Ярославъ, не тѣрпя сего зѣлааго убиства, движесе на братоубица оного, оканънааго Святоплѣка, и брани мѣногы съ нимъ съставивъ, и въсегда, пособиемъ Божиимъ и поспѣшиениемъ святою, побѣдивъ. Елико брани състави, оканънный посрамленъ и побѣженъ възращаашесе» [13, с. 44, л. 15 б — 15 в]. Однако этот пример показателен именно как проявление тенденции оправдать войну Ярослава Мудрого против старшего брата, изгнание братоубийцы и вокняжение победителя в Киеве. Причем активная роль Ярослава в междоусобице могла все-таки, по-видимому, восприниматься как нравственно безупречная, и именно потому, вероятно, Нестор в Чтении предпочел о ней умолчать, ограничившись смутным известием об изгнании Святополка из Руси в результате неких волнений: «Крамолѣ бывшей отъ людей и изгнану ему сущю не токмо из града, нѣ изъ области всея: избѣжавше же ему въ страны чюжи и тамо животь свой сконца и разверже» [13, с. 14, л. 102 а].

Так или иначе, как раз с точки зрения К.А. Костромина и оправдание Ярослава как участника междоусобиц, выступившего против старшего в роде, и, соответственно, «переписывание» истории, приведшее к клеветническому объявлению Святополка братоубийцей и обелению подлинного «преступника» Ярослава, легитимизирующего свою власть ролью мстителя по Божьей воле, должны были бы оказаться актуальными прежде всего в княжение самого Ярослава Мудрого. Но исследователь считает все памятники цикла более поздни-

---

²⁴ См. об этом: [40].

ми, а создание каких-либо произведений о Борисе и Глебе в княжение Ярослава — невозможным.

Однако и в этом случае неясно, почему книжникам потребовалось прославить как святых Бориса и Глеба и осудить Святополка, если он не был повинен в их гибели. Заслуживают внимания соображения Н.И. Милютенко, не учтенные К.А. Костроминым: «Почему сыновьям Ярослава в 1072 г. пришло в голову одного из врагов своего отца причислить к лику святых, а второго объявить его убийцей, никто не объясняет. Если Святополка в июле 1015 г. уже не было в Киеве, а война с Борисом затянулась до 1017 г., то, во-первых, не было смысла выставить его невинной жертвой, а во-вторых, его убийство было бы проще отнести ко времени после битвы на Буге в 1018 г., когда Святополк заведомо находился у власти» [41, с. 127–128].

Д.А. Боровков указал на противоречия, возникающие в случае признания Бурицлава Пряди об Эймунде Борисом и приписывания Ярославу и его сыновьям грандиозной фальсификации исторических событий междоусобицы 1015–1019 гг.: «<...> [Н]ельзя не заметить, что Бурицлав скандинавской саги — это Святополк русских летописей! Если, подобно сторонникам концепции Н.Н. Ильина, видеть в Бурицлаве князя Бориса Владимировича, то на него надо “списать” все грехи “окаянного” Святополка»²⁵. Исследователь отмечает: «Как ни кощунственно это звучит, в данном случае “святой” являлся бы “братоубийцей”, и его устранение Ярославом с теоретической точки зрения было бы оправданно. Однако подобная перспектива делала бессмысленным создание вокруг потенциального инициатора династического конфликта мученического ореола — неважно, было ли это делом самого Ярослава или его преемников, — поскольку Борисоглебский культ должен был предотвращать повторение аналогичных эксцессов в княжеском роду. Тем более не было необходимости “списывать” все убийства на Святополка. <...> Таким образом, ре-

---

²⁵ Как неоднократно отмечалось, действия Бурицлава в союзе с биармами против Ярицлейва, описываемые в Пряди об Эймунде, — не что иное, как отражение союза Святополка с печенегами против Ярослава, о чем рассказывается в Повести временных лет. Вообще, если признавать историчность Бурицлава и его убийства по приказу Ярицлейва (для чего нет достаточных оснований), наиболее вероятным реальным прототипом будет именно Святополк, в убийстве которого в принципе допустимо подозревать Ярослава Мудрого. Впрочем, гипотеза об умерщвлении «второго Каина» по приказу Ярослава недоказуема.

конструкция подобного рода с идеологической точки зрения в корне противоречит одной из фундаментальных основ древнерусской культуры» [1]²⁶.

Можно, конечно, предположить, что Ярослав и Ярославичи должны были считаться с уже сформировавшимся народным почитанием Бориса и Глеба²⁷ и попытались его «присвоить» и переосмыслить, однако в этом случае неясно, почему они поддержали неофициальный культ в случае, если Ярослав был убийцей одного или обоих братьев (устная память о чем должна была сохраняться), а не постарались предать его забвению.

Признание памятников Борисоглебского цикла текстами, зависимыми от позиции княжеской власти (Ярослава или его наследников) и легитимизирующими действия Ярослава в междоусобице 1015–1019 гг., еще не влечет за собой автоматически необходимость считать, что их авторы исказили действительность, выдав невинного за убийцу и обелив реального преступника и грешника. Чисто теоретически *так могло быть*, хотя такая вероятность ничтожно мала. Но это не значит, что *так было*.

Конкретный аргумент, заслуживающий внимания, у К.А. Костромина, пожалуй, один. Это странность маршрута Глеба из Муром в Киев и невозможность за короткий срок, прошедший между получением ложного известия от Святополка о тяжелой болезни отца, в действительности уже скончавшегося, и убиением (датированным в древнерусских источниках 5 сентября) преодолеть такое расстояние: «Сомнения в достоверности отечественных житийно-летописных источников основываются на противоречивости и нелогичности по крайней мере некоторых фактов, которые в них присутствуют. Например, согласно “Повести временных лет”, Глеб, получив от Святополка, по всей видимости, в Муроме, притворный вызов в Киев, двигается сначала “на Волгу” (от Мурома кратчайший путь до Волги — 150 км), где происходит заминка с конем, а затем на ладьях плывет к Смолен-

---

²⁶ Однако утверждение исследователя, что рассказ об убийстве Бурицлава в Пряди об Эймунде выполняет не более чем мотивировочную функцию указания на скупость Ярицлейва, не отблагодарившего должным образом Эймунда и его людей, представляется необоснованным.

²⁷ Мнение о первоначальном народном, низовом характере почитания страстотерпцев высказывалось неоднократно, однако оно не вполне подтверждается источниками; см. обзор работ и их оценку: [38, с. 187–191].

ску (еще 1120 км, если плыть по Волге, а затем по Днепру). Если учесть время движения гонца от Святополка (от Киева до Муром почти 1000 км), выехавшего не ранее 16 июля, едва ли весь этот путь можно проделать к 8 сентября (ошибка, на самом деле 5 сентября. — А.Р.), когда, согласно “Сказанию о Борисе и Глебе”, муромского князя убивают. Но у этого разнонаправленного пути должна быть логика. Если вспомнить, что Глеб — сын болгарыни, то “на Волгу” он мог двигаться до Волжской Булгарии (от Мурома — 600 км). Даже если предположить, что Глеб не задержался там, что маловероятно, он опоздает ко дню своего убийства под Смоленск не менее чем на два-три месяца. Если же учесть его пребывание на родине у матери, то убит он был 8 сентября следующего, 1016 г., когда Святополк был уже в Польше, а Ярослав — в Киеве. Кто же тогда может быть убийцей Глеба, который от Волжской Булгарии едет к Смоленску, то есть по направлению к Польше?!» [20, с. 59–60].

Однако в действительности передвигаться с такой скоростью Глеб мог, если очень спешил. Причем бóльшую или весьма значительную часть пути (до впадения Тьмы-Тьмаки в Волгу) князь прошел на коне, что позволяло передвигаться достаточно быстро. Кроме того, совершенно неочевидно, что князь двигался в Киев именно из Мурома: источники об этом ничего не сообщают, возможны различные гипотезы.

Вполне вероятно, что Глеб шел не из Мурома, а из Ростова — братнего города, где в отсутствие Бориса мог гостить или найти прибежище юный князь. А если Владимир действительно готовил киевский престол для Бориса, осиротевший престол в Ростове он мог просто отдать Глебу. Н.В. Шляков подсчитал, что даже если Святополк отправил своих посланцев к Глебу сразу после смерти Владимира 15 июля, то и послы, и Глеб должны были проходить по 56–60 верст в день (в случае если Глеб княжил в Муроме). Если он находился в Ростове, скорость перемещений могла быть меньшей — по 46 верст ежедневно. (Исследователь исходит из указаний источников об убиении Глеба 5 сентября.) Н.В. Шляков осторожно высказал догадку, что князь шел из Белозера, которое находится севернее Волги. В этом случае путешествие по левому берегу становится понятным, однако длина дневного перехода возрастает еще — до 64 верст [47, с. 97–98]²⁸. Н.М. Карамзин же

---

²⁸ Догадку Н.В. Шлякова о Ростове как начальной точке маршрута Глеба принимает А.Ю. Карпов; см.: [16, с. 108–109].

предположил, что гонец от Святополка с известием о болезни отца нашел Глеба во владениях за Волгою, которые принадлежали Мурому [15, с. 193–194, примеч. 6]. Все соображения историков о причине, по которой Глеб шел левым берегом Волги, — лишь догадки и даже фантазии. Зато бешеная, кажущаяся невероятной быстрота путешествия, длина дневных переходов вполне правдоподобны, и потому не стоит отбрасывать 5 сентября как точную дату гибели муромского князя. Быструю езду любили и в те стародавние времена: князь Владимир Мономах вспоминал в Поучении, что ему приходилось за день преодолевать расстояние между Киевом и Черниговом [32, с. 104]. (В современном исчислении это расстояние составляет 149 км, т. е. почти 140 верст!) Святополков курьер ехал скоро, Глеб тоже спешил: он хотел застать отца в живых. Неизвестно, как были налажены станы и конские подставы на пути, но трудностей со сменой загнанных или обессиленных лошадей на свежих не было. Скорость движения Глеба и его спутников могла быть и меньшей: расчет основан на сообщении летописи, что Святополк послал вестника к Глебу после убийства Бориса, произошедшего 24 июля. Но если «второй Каин» готовил преступление заранее и давно замыслил убийство обоих братьев, он мог нанести оба удара одновременно и отправить вестника к Глебу сразу после 15 июля — почти тотчас после смерти Владимира. В таком случае у Глеба было больше времени, чтобы к 5 сентября оказаться возле Смоленска. Так или иначе юный князь вполне мог оказаться под этим городом 5 сентября 1015 г., а не 1016 г.

Ясно и почему был выбран такой длинный путь. Короткий путь, как известно, не всегда самый быстрый. Прямого пути из Муром в Киевскую землю через будущие московские земли тогда, возможно, попросту не было²⁹, а были только круглые: об этом свидетельствуют находки археологами восточных монет [30, с. 178]. Вятичи, славянское племя, чьи земли отделяли Залесскую Русь от Киева, не были к началу XI в. полностью покорены. Вятичи, свободолюбивые и своенравные, долго сохраняли старую, языческую веру³⁰. Проповедь христианства

---

²⁹ Эту мысль еще почти двести лет назад высказал Н.А. Полевой, заметивший, что «иного пути и не могло быть тогда. В Муром ездили из Ростова, а из Киева плыли до Смоленска по Днепру, потом переезжали на Волгу, и сею рекою приближались к Ростову, достигая его от берегов Волги сухим путем» [34, с. 506].

³⁰ См.: [5, с. 208].

в их землях была опасной даже в начале XII в.: тогда вятичами был убит монах-миссионер Кукша, постриженник Киево-Печерской обители [10, с. 27].

Землю вятичей завоевал Святослав Игоревич (по летописи, князь совершил против них два похода, в 964 и в 966 гг. [32, с. 31], но летописная хронология условна и не вполне точна³¹). Однако вятичи отнюдь не были подчинены: «Под 981 и 982 годами “Повесть временных лет” сообщает об упорной войне, которую вел с вятичами киевский князь Владимир, сын Святослава. Другой Владимир, Мономах (праправнук Святослава), как о подвиге рассказывал в своем “Поучении” о том, что он по поручению отца проехал к Ростову “сквозь землю вятичей”. Этот поход исследователи относят к 1072 г. А еще позднее, в 1081–1082 гг., Мономах две зимы подряд ходил в Вятическую землю воевать с местными правителями Ходотой и его сыном» [19, с. 103]³².

Именно опасностью путешествия «сквозе вятичей» объяснял путь Глеба В.О. Ключевский: «[В] X и XI вв. нет прямой дороги из Ростова к Киеву, из Залесского края на юг; направляясь оттуда, князья должны были делать большие объезды. Муромский князь Глеб Владимирович <...> отправился на юг в 1015 г. <...>. На Волге при устье Тмы реки (левый приток Волги, выше Твери) его конь споткнулся, князь упал и повредил себе ногу. Больной князь остановился в Смоленске, отсюда на лодке хотел плыть в Киев. Вот как ездили князья с севера, с Оки в Киев. Даже былины сохранили память, что не было прямой дороги между Суздальским северным краем и Киевом. <...>. Это был в то время непроходимый край; уйти к вятичам значило скрыться так, чтобы не сыскали. Во время борьбы Святославичей с Мономаховичами князь, теснимый врагами, иногда искал убежища за лесами, у вятичей. Из города Карачева в Козельск надо было ехать дремучими лесами Брянскими; на обилие этих лесов указывает имя города Брянска, называвшегося тогда Дебрянском (от дебрей). Недаром Суздальский край назывался на юге Залесским» [18, с. 145–146]³³.

---

³¹ О датировке этих событий см.: [19, с. 101–105].

³² Ср. в Повести временных лет рассказ о походах Владимира Святославича и о упоминание о походах Владимира Мономаха в его Поучении [32, с. 38, 102, 103].

³³ Ср.: [22, с. 14].

Казалось бы, для спешащего князя оставался еще путь Степью. Но если печенеги действительно «заратились» накануне смерти Владимира, на этом пути тоже грозила опасность, плен или смерть.

Так что Глеб не случайно предпочел волжский маршрут, который лишь кажется странным³⁴.

О том, что путь из Залеской Руси в Киев по Волге и Днепру через Смоленск был в то время если и не единственным, то самым привычным, свидетельствуют и действия Святополка, который выслал отряд для убийства Глеба именно под Смоленск, очевидно заранее зная, какой путь выберет жертва. Хотя не исключено: были посланы отряды, чтобы перекрыть и другие пути³⁵.

Что касается соображений К.А. Костромина о путешествии Глеба сначала в Волжскую Болгарию (Булгарию), то это не более чем догадка. Повесть временных лет под 6488 (980) г. [32, с. 37] и, вслед за летописным известием, Сказание о Борисе и Глебе [13, с. 28, л. 8r] действительно называют мать святых братьев болгарыней, однако неясно, из какой Болгарии она происходила — из Волжской или из Дунайской. Кроме того, некоторые исследователи, принимая во внимание указанный в житиях возраст Бориса и Глеба и как будто бы особенную любовь Владимира к Борису, проявившуюся в вероятном намерении завещать ему киевский престол, склонны считать их матерью гречанку царевну Анну³⁶.

Путешествие Глеба к Смоленску вовсе не означало, таким образом, что он намеревался бежать (от Ярослава Мудрого, как предполагает, видимо, К.А. Костромин) в Польшу, где якобы находился Святополк. Через Смоленск проходил в то время основной путь из Залеской Руси в Киев. Впрочем, существует и еще одно объяснение: Глеб будто бы вообще шел не к Святополку, а к Ярославу, пытаясь укрыться в Новгороде от братоубийцы, или же намеревался отправиться по Западной Двине на Балтику, а оттуда в Скандинавию [44, с. 30–31; 30,

---

³⁴ «Ехать к Киеву прямым, сухопутным путем, через вятичские земли, по-видимому, в очередной раз отпавшие от власти киевского князя, Глеб, наверное, не решился» [16, с. 108–109]. Вятичи могли отпасть от Киева после смерти Владимира и начала борьбы между его сыновьями (убиения Бориса).

³⁵ Подробнее о путешествии Глеба см. в моей книге: [38, с. 156–161].

³⁶ Так полагают или допускают такую возможность, например, С.М. Соловьев [42, с. 204], Г. Подскальски [33, с. 206, 477], А. Поппэ [51, р. 29–54; 52, s. 6; 35, с. 308–312], В. Волков [52, р. 367, note 187], В.Я. Петрухин [31, с. 106–109].

с. 178, примеч. 34]. Эта версия недостаточно аргументированна: формально она подтверждается словами из Несторова Чтения «Увѣдѣвъ же, святыи Глѣбъ восхотѣ отбѣжати на полунощныя страны, — сущю иному тамо брату святую, — рекый, не да како и мя погубить» [13, с. 7, л. 95 в]. Однако, скорее всего, это известие — всего лишь догадка агиографа (отделенного более чем шестьюдесятью годами от описываемых событий) о намерениях княжича. К тому же это сообщение достойно внимания только в случае признания истинным всего рассказа Нестора о Глебе, якобы не направлявшемся в Киев, а бежавшем из него от Святополка. Но даже эта версия предпочтительнее выдвинутой К.А. Костроминым.

К.А. Костромин исходит из трактовки сообщения немецкого хрониста Титмара Мерзебургского, согласно которой Святополк сразу после смерти Владимира, освободившись из темницы, бежал в Польшу к тестю Болеславу. До него таким же образом это известие интерпретировал Н.Н. Ильин [14, с. 105]. Однако из сообщения немецкого хрониста нельзя делать вывод, что Святополка не было на Руси ни во второй половине 1015-го, ни в 1016 г. Вот что пишет мерзебургский епископ (VII, 73): «После этого названный король (Владимир. — А.Р.) умер <...> оставив все свое наследство двум сыновьям, тогда как третий до тех пор находился в темнице. Впоследствии, сам ускользнув, но оставив свою жену, он бежал к тестю» [11, с. 75–76]. А.В. Назаренко убедительно объяснил это указание: «Сообщение Титмара часто противопоставляется летописному рассказу, согласно которому после смерти Владимира Святополк вокняжился в Киеве и бежал в Польшу только после поражения от Ярослава в 1016 г. <...>. Однако такое внешне очевидное прочтение этого известия “Хроники” вовсе не обязательно. Ведь отнюдь не ясно, какое именно значение имеет указание Титмара на бегство Святополка “впоследствии” (*postea*) <...>. Более того, ниже, рассказывая о возвращении Святополка на Русь в 1018 г., хронист называет его “долго отсутствовавшим сеньором” (VIII, 32), как будто указывая, что Святополк уже был “сеньором” в Киеве» [11, с. 76, примеч. 83]. Такое объяснение, предлагавшееся ученым и раньше, признал убедительным сторонник «конспирологической» гипотезы С.М. Михеев [24, с. 260–262].

М.С. Грушевский еще в начале прошлого века заметил, что, если бы победил Святополк, он был бы представлен древнерусскими книж-

никами благочестивым правителем вместо Ярослава. Солидарность с мнением украинского историка выразил А.Е. Пресняков: «Нельзя не согласиться с мнением М.С. Грушевского, что “если бы Святополку удалось довести свой план до конца, общество Наверное помирилось бы с ним и забыло бы его приемы, как забывало оно не раз и позднее и раньше, и, переняв отцовскую политику покровительства церкви, нашел бы Святополк себе место между прочими “христолюбцами”» [36, с. 33, примеч. 53]³⁷.

Предположение небезосновательное. Однако между панегирической или, наоборот, уничтожающей оценками и радикальным переписыванием истории все же есть огромная разница. Что касается Ярослава Мудрого, то летописцы не умолчали о заточении им, доверившимся неким клеветникам, в темницу младшего брата Судислава [32, с. 66], хотя и воздержались от прямой оценки этого поступка. Но отсутствие прямого осуждения и фальсификация фактов — явления принципиально несхожие. Приведенный пример говорит скорее в пользу объективности летописца: неприглядный поступок киевского князя не был предан забвению.

Еще более показательный пример — изображение в Поучении Владимира Мономаха его многолетнего противника Олега Святославича, у которого Владимиров отец и сам Мономах отняли отчий Чернигов. В.В. Мавродин из описания событий 1094 г. в Поучении, где уступка Владимиром Чернигова представлена как проявление благородства, сделал совершенно справедливый вывод: «В “Поучении” Мономах свой уход из Чернигова описывает как акт великодушия. На самом же деле с такой небольшой дружиной сопротивляться он все равно не мог, а Олег готовился к серьезной осаде. <...> Мономаху пришлось пройти через лагерь осаждавших, что и разрешили ему сделать половцы, безусловно, по приказу Олега. Таким образом, великодушие к врагу проявил скорее не Мономах, а Олег» [22, с. 252]. Таким образом, даже явно тенденциозный древнерусский автор, при жизни которого упрочился Борисоглебский культ и были созданы по крайней мере некоторые из произведений, посвященных святым братьям, не прибегал к откровенной и радикальной фальсификации фактов.

Работа К.А. Костромина свидетельствует, что у сторонников «конспирологической» версии по существу нет серьезных новых ар-

---

³⁷ Цитируется «История» М.С. Грушевского; ср.: [6, с. 8].

гументов и что защита этой гипотезы оказывается возможной только при подгонке под нее фактов «пригодных» и умолчании о фактах «неудобных».

В концепции К.А. Костромина и других сторонников «конспирологической» версии убийства князя Бориса древнерусские книжники выглядят не богобоязненными правдолюбцами, а беспринципными пиарщиками-политтехнологами. Конечно, в Древней Руси, особенно в московский период ее истории, все же известны случаи тенденциозного искажения событий, однако и они вроде бы не представляли собой такой беззастенчивой подтасовки фактов, какая вменяется в вину авторам памятников Борисоглебского цикла учеными-«конспирологами». Обыкновенно искажение правды выражалось в замалчивании каких-то фактов и в открытых сочувствии или антипатии к участникам конфликтов. Как справедливо заметил В.Я. Петрухин, «предположение о кощунственном поведении не только самого Ярослава, но и агиографов, свидетельствующих о почитании им убитых братьев, представляется чрезмерным» [30, с. 177].

Древнерусские источники о событиях 1015–1019 гг. в основном заслуживают доверия. Реабилитация Святополка Окаянного и обвинение Ярослава Мудрого в убийстве Бориса и Глеба безосновательны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Боровков Д.А.* Тайна гибели Бориса и Глеба. URL: <http://oldrushistory.ru/library/Tayna-gibeli-Borisa-i-Gleba/> (дата обращения: 09.03.2020).
- 2 *Бугославский С.А.* Текстология Древней Руси / сост. Ю.А. Артамонов. М.: Языки славянских культур, 2006. Т. 2: Древнерусские литературные произведения о Борисе и Глебе. 672 с.
- 3 *Виноградов А.Ю.* Особенности борисоглебских торжеств в свете византийской традиции // *Slověne*. 2012. № 2. С. 117–134.
- 4 *Глазырина Г.В.* Сага об Ингваре Путешественнике: Текст, пер., коммент. М.: Восточная литература, 2002. 463 с.
- 5 *Голубинский Е.* История Русской церкви. 2-е изд., испр. и доп. М.: Университетская тип., 1901. Т. 1: Период первый, киевский или домонгольский. Первая половина тома. XXIV+968 с.
- 6 *Григорий Турский.* История франков / изд. подгот. В.Д. Савукова. М.: Наука, 1987. 463 с.
- 7 *Грушевський М.* Історія України-Руси: в 11 т., 12 книгах. 2-е видання, розширене. Київ: Наукова думка, 1992. Т. II: XI–XII вік. 640 с.
- 8 *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе (первая треть XI в.): Тексты, перевод, комментарий. М.: Науч.-изд. центр «Ладомир», 1994. 254 с.

- 9 *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе: Тексты, переводы и комментарии. 2-е изд., в одной книге, испр. и доп. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2013. 779 с.
- 10 Древнерусские патерики: Киево-Печерский патерик. Волоколамский патерик / изд. подгот. Л.А. Ольшевская и С.Н. Травников. М.: Наука, 1999. 496 с.
- 11 Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / под ред. Т.Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой и А.В. Подосинова. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. Т. IV: Западноевропейский источники / сост., пер. и коммент. А.В. Назаренко. 512 с.
- 12 Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой и А.В. Подосинова. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2009. Т. V: Скандинавские источники / сост.: Г.В. Глазырина, Т.Н. Джаксон, Е.А. Мельникова. 384 с.
- 13 Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им / пригот. к печати Д.И. Абрамович. Пг.: Тип. Имп. акад. наук, 1916. (Памятники древнерусской литературы. Вып. 2). XXIII+204 с.
- 14 *Ильин Н.Н.* Летописная статья 6523 года и ее источник: (Опыт анализа). М.: Изд-во АН СССР, 1957. 210 с.
- 15 *Карамзин Н.М.* История государства Российского: в 12 т. / отв. ред. А.Н. Сахаров; подгот. текста: В.Ю. Афиани, В.М. Живов, В.П. Козлов. М.: Наука, 1991. Т. 2/3. 829 с.
- 16 *Карпов А.Ю.* Ярослав Мудрый. М.: Молодая гвардия, 2001. 583 с.
- 17 *Клосс Б.М.* Избранные труды. М.: Языки русской культуры, 2001. Т. 2: Очерки по истории русской агиографии XIV–XVI вв. 488 с.
- 18 *Ключевский В.О.* Лекции по русской истории, читанные на Высших женских курсах в Москве в 1872–1875 гг. / под ред. Р.А. Киреевой и А.Ф. Киселева. М.: Владос, 1997. 816 с.
- 19 *Королев А.С.* Святослав. М.: Молодая гвардия, 2011. 351 с.
- 20 *Костромин К.А.* Борисоглебская проблема: вопрос доверия источникам // Труды исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. 2011. № 6. С. 55–70.
- 21 *Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.* Выбор имени у русских князей в X–XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропонимики. М: Индрик, 2006. 904 с.
- 22 *Мавродин В.В.* Очерки истории Левобережной Украины (С древнейших времен до второй половины XIV века). СПб.: Наука, 2002. 416 с.
- 23 *Мельникова Е.А.* Композиция и состав «Саги об Эймунде сыне Хринга» // Висы дружбы: Сборник статей в честь Татьяны Николаевны Джаксон / под ред. Н.Ю. Гвоздецкой, И.Г. Коноваловой, Е.А. Мельниковой, А.В. Подосинова. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2011. С. 255–268.
- 24 *Михеев С.М.* «Святополкъ съде въ Киевѣ по отци»: Усобица 1015–1019 годов в древнерусских и скандинавских источниках. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2009. (Славяно-германские исследования. Т. 4). 292 с.
- 25 *Назаренко А.В.* Немецкие латиноязычные источники IX–XI веков: Тексты, пер., коммент. М.: Наука, 1993. 238 с.

- 26 *Назаренко А.В.* Порядок престолонаследия на Руси X–XII вв.: Сеньорат, наследственные разделы и попытки десигнации (Типологические наблюдения) // Из истории русской культуры. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. I: Древняя Русь / сост. А.Д. Кошелев, В.Я. Петрухин. С. 500–519.
- 27 *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культуры, торговли, политических связей IX–XII веков. М.: Языки русской культуры, 2001. 784 с.
- 28 *Назаренко А.В.* Киевский митрополит Иоанн I // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2007. № 3. С. 76–77.
- 29 *Насонов А.Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства: Историко-географическое исследование. Монголы и Русь: История татарской политики на Руси. 2-е изд., стереотипное. СПб.: Наука, 2006. 416 с.
- 30 *Петрухин В.Я.* Древняя Русь. Народ. Князья. Религия // Из истории русской культуры. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. I: Древняя Русь / сост. А.Д. Кошелев, В.Я. Петрухин. С. 11–410.
- 31 *Петрухин В.Я.* Христианство на Руси во второй половине X — первой половине XI в. // Христианство в странах Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы на пороге второго тысячелетия / отв. ред. Б.Н. Флоря. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 60–132.
- 32 Повесть временных лет / подгот. текста, пер., статьи и коммент. Д.С. Лихачева; под ред. В.П. Адриановой-Перетц, 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Наука, 1996. (Серия «Литературные памятники»). 667 с.
- 33 *Подскальски Г.* Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988—1237). 2-е изд., испр. и доп. для русского пер. / пер. А.В. Назаренко под ред. К.К. Акентьева (Studia Byzantinorossica. Т. I). СПб.: Византинороссика, 1996. 576 с.
- 34 *Полевой Н.А.* История русского народа. М.: Вече, 1997. Т. 1. 640 с.
- 35 *Поптэ А. В.* Земная гибель и небесное торжество Бориса и Глеба // ТОДРЛ. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 54. С. 304–336.
- 36 *Пресняков А.Е.* Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории. Киевская Русь / подгот. текста, статьи и прим. М.Б. Свердлова. М.: Наука, 1993. 635 с.
- 37 *Приселков М.Д.* Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб.: Наука, 2003. 245 с.
- 38 *Ранчин А.М.* Борис и Глеб. М.: Молодая гвардия, 2013. 298 с.
- 39 *Ранчин А.М.* Памятники Борисоглебского цикла: Текстология, поэтика, религиозно-культурный контекст. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского; Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. 512 с.
- 40 *Ранчин А.М.* Сказание о призвании варягов: факты, гипотезы, домыслы // Россия XXI. 2018. № 1. С. 132–161.
- 41 Святые князья-мученики Борис и Глеб: Исследование и подгот. текстов Н.И. Милютенко. СПб.: Изд-во Алексея Абышко, 2006. 432 с.
- 42 *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1959. Кн. 1. (Т. 1–2). 811 с.

- 43 Успенский Б.А. Борис и Глеб: Восприятие истории в Древней Руси. М.: Языки русской культуры, 2000. 128 с.
- 44 Хорошев А.С. Политическая история русской канонизации (X–XVI вв.). М.: Изд-во Московского ун-та, 1986. 207 с.
- 45 Шайкин А.А. «Оставим все, как есть» (по поводу современных интерпретаций убийства Бориса и Глеба) // ТОДРЛ. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 54. С. 337–369.
- 46 Шахматов А.А. История русского летописания. СПб.: Наука, 2002. Т. 1: Повесть временных лет и древнейшие русские летописные своды. Кн. 1: Разыскания о древнейших русских летописных сводах. 484 с.
- 47 Шляков Н.В. О поучении Владимира Мономаха. СПб.: Тип. В.С. Балашева и Ко, 1900. 116 с.
- 48 Cook R. Russian History, Icelandic Story and Byzantine Strategy in *Eymunder páttir Hringssomur* // *Viator*. 1986. Vol. 17. P. 65–89.
- 49 Florja B.N. Václavská legenda a borisovsko-glebovský kult (shody a rozdíly) // *Československý časopis historický*. 1978. Ročn. XXVI. No 1. S. 83–96.
- 50 Ingham N.W. The Martyred Prince and the Question of Slavic Cultural Continuity in the Early Middle Ages // *Medieval Russian Culture*. [Vol. 1] / Ed. by H. Birnbaum and Moscow, Flier. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1984. (California Slavic Studies. Vol. 12). P. 26–37.
- 51 Poppe A. La naissance du culte de Boris et Gleb // *Cahiers de civilization médiévale*. 1981. XXIV année. No 1. P. 29–54.
- 52 Poppe A. Spuścizna po Włodzimierzu Wielkim: walka o tron kijowski 1015–1019 // *Kwartalnik Historyczny*. 1995. Rocznik CII. No 3–4. S. 3–22.
- 53 Volkov V. Vladimir the Russian Viking. 3rd print. Woodstock; N.Y.: The Overlook Press, 1998. 384 p.

REFERENCES

- 1 Borovkov, D.A. *Taina gibeli Borisa i Gleba* [*The Mystery of the Death of Boris and Gleb*]. Available at: <http://oldrushistory.ru/library/Tayna-gibeli-Borisa-i-Gleba/> (accessed 09 March 2020). (In Russian)
- 2 Bugoslavskii, S.A. *Tekstologija Drevnei Rusi* [*The Textology of Old Rus'*], vol. 2: *Drevnerusskie literaturnye proizvedeniia o Borise i Glebe* [Old Russian Literary Works about Boris and Gleb], ed. by Iu.A. Artamonov. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur Publ., 2006. 672 p. (In Russian)
- 3 Vinogradov, A.Iu. "Osobennosti borisoglebskikh torzhestv v svete vizantiiskoi traditsii" ["The Features of Boris and Gleb Festivals in the Light of Byzantine Traditions"]. *Slověne*, no. 2, 2012, pp. 117–134. (In Russian)
- 4 Glazyrina, G.V. *Saga ob Ingvare Puteshestvennike: Tekst, per., comment.* [*Saga of Ingvar the Traveler: Text, Translation, Commentary*]. Moscow, Vostochnaia literatura Publ., 2002. 463 p. (In Russian)
- 5 Golubinskii, E. *Istoriia Russkoi tserkvi* [*The History of Russian Church*], vol. 1, part 1. 2nd ed., revised, Moscow, Universitetskaia tip. Publ., 1901. XXIV+968 p. (In Russian)

- 6 Grigorii Turskii. *Istoriia frankov* [*The History of Franks*], ed. by V.D. Savukova. Moscow, Nauka Publ., 1987. 463 p. (In Russian)
- 7 Grushevs'kii M. *Istoriia Ukraïni-Rusi: v 11 t.* [*The History of the Ukraine-Rus': in 11 vols.*]. Vol. II. 2nd ed., Kiiiv, Naukova dumka Publ., 1992. 640 p. (In Ukrainian)
- 8 Dzhakson, T.N. *Islandskie korolevskie sagi o Vostochnoi Evrope (pervaia tret' XI v.): Teksty, perevod, kommentarii* [*Royal Icelandic Sagas about Eastern Europe (First Third of the 11th Century): Texts, Translation, Commentary*]. Moscow, Nauchno-izdatel'skii tsentr "Ladomir" Publ., 1994. 254 p. (In Russian)
- 9 Dzhakson, T.N. *Islandskie korolevskie sagi o Vostochnoi Evrope: Teksty, perevody i kommentarii* [*Royal Icelandic Sagas about Eastern Europe: Texts, Translation, Commentaries*]. 2nd ed, revised. Moscow, Universitet Dmitriia Pozharskogo Publ., 2013. 779 p. (In Russian)
- 10 Ol'shevskaia, L.A., and Travnikov, S.N., editors. *Drevnerusskie pateriki: Kievno-Pecherskii paterik. Volokolamskii paterik* [*Old Russian Patericons: The Kievan-Pecherskian Patericon. The Volokolamskian Patericon*]. Moscow, Nauka Publ., 1999. 496 p. (In Russian)
- 11 Dzhakson, T.N., and Konovalova, I.G., and Podosinov, A.V., editors. *Drevniaia Rus' v svete zarubezhnykh istochnikov: Khrestomatiia* [*Old Rus' in the Light of Foreign Sources: Reader*], vol. IV, ed. by A.V. Nazarenko. Moscow, Russkii Fond Sodeistviia Obrazovaniiu i Nauke Publ., 2010. 512 p. (In Russian)
- 12 Dzhakson, T.N., and Konovalova, I.G., and Podosinov, A.V., editors. *Drevniaia Rus' v svete zarubezhnykh istochnikov: Khrestomatiia* [*Old Rus' in the Light of Foreign Sources: Reader*], vol. 5, eds. by G.V. Glazyrina, T.N. Dzhakson, E.A. Mel'nikova. Moscow, Russkii Fond Sodeistviia Obrazovaniiu i Nauke Publ., 2009. 384 p. (In Russian)
- 13 Abramovich, D.I., editor. *Zhitiia sviatykh muchenikov Borisa i Gleba i sluzhby im* [*Vita of the Holy Martyrs Boris and Gleb and Their Services*]. Petrograd, Tipografiia Imperatorskoi Akademii nauk, 1916. XXIII+204 p. (In Russian)
- 14 Il'in N.N. *Letopisnaia stat'ia 6523 goda i ee istochnik: (Opyt analiza)* [*Chronicle Article of 6523 and Its Source: (Experience of Analysis)*]. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR, 1957. 210 p. (In Russian)
- 15 Karamzin, N.M. *Istoriia gosudarstva Rossiiskogo: v 12 t.* [*The History of Russian State: in 12 vols.*], eds. by A.N. Sakharov, V.Iu. Afiani, V.M. Zhivov, V.P. Kozlov. Vol. 2/3. Moscow, Nauka Publ., 1991. 829 p. (In Russian)
- 16 Karpov, A.Iu. *Iaroslav Mudryi* [*Iaroslav the Wise*]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2001. 583 p. (In Russian)
- 17 Kloss, B.M. *Izbrannye trudy* [*Selected Works*], vol. 2. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 2001. 488 p. (In Russian)
- 18 Kliuchevskii, V.O. *Lektsii po russkoi istorii, chitannye na Vysshikh zhenskikh kursakh v Moskve v 1872–1875 gg.* [*Lectures on Russian History Delivered at the Higher Women's Courses in Moscow in 1872–1875*], eds. by R.A. Kireeva and A.F. Kiselev. Moscow, Vldos Publ., 1997. 816 p. (In Russian)
- 19 Korolev, A.S. *Sviatoslav* [*Svyatoslav*]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 2011. 351 p. (In Russian)

- 20 Kostromin, K.A. "Borisoglebskaia problema: vopros doveriia istochnikam" ["Borisoglebian Problem: a Question of Trust in Sources"]. *Trudy istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of the Faculty of History, St. Petersburg State University], no. 6, 2011, pp. 55–70. (In Russian)
- 21 Litvina, A.F., Uspenskii, F.B. *Vybor imeni u russkikh kniazei v X–XVI vv.: Dinasticheskaia istoriia skvoz' prizmu antroponimiki* [Choosing a Name among Russian Princes in the 10th–16th Centuries: Dynastic History through the Prism of Anthroponymy]. Moscow, Indrik Publ., 2006. 904 p. (In Russian)
- 22 Mavrodin, V.V. *Ocherki istorii Levoberezhnoi Ukrainy (S drevneishikh vremen do vtoroi poloviny XIV veka)* [Essays on the History of Left-Bank Ukraine (From Old Times to the Second Half of the 14th Century)]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2002. 416 p. (In Russian)
- 23 Mel'nikova, E.A. "Kompozitsiia i sostav 'Sagi ob Eimunde syne Khringa.'" ["Composition and composition of 'The Saga of Amund son of Hring.'"]. *Visy družby: Sbornik statei v chest' Tat'iany Nikolaevny Dzhakson* [Visas of Friendship: Collection of Articles in Honor of Tatyana Nikolaevna Jackson], eds. by N.Iu. Gvozdetckaia, I.G. Konovalova, E.A. Mel'nikova, A.V. Podosinov. Moscow, Universitet Dmitriia Pozharskogo Publ., 2011, pp. 255–268. (In Russian)
- 24 Mikhhev, S.M. "Sviatopolk smde v Kievu po ottsi": *Usobitsa 1015–1019 godov v drevnerusskikh i skandinavskikh istochnikakh* ["Svyatopolk Ascended the throne in Kiev after His Father": The Strife of 1015–1019 in Old Russian and Scandinavian Sources]. Moscow, Institut slavianovedeniia RAN Publ., 2009. 292 p. (In Russian)
- 25 Nazarenko, A.V. *Nemetskie latinoiazychnye istochniki IX–XI vekov: Teksty, per., comment.* [German Latin-Language Sources of the 9th–11th Centuries: Texts, Translation, Comments]. Moscow, Nauka Publ., 1993. 238 p. (In Russian)
- 26 Nazarenko, A.V. "Poriadok prestolonaslediia na Rusi X–XII vv.: Senorat, nasledstvennye razdely i popytki designatsii (Tipologicheskie nabliudeniia)" ["The Succession Order in Russia of the 10th–12th Centuries: Senorat, Hereditary Sections and Attempts to Designation (Typological Observations)"]. *Iz istorii russkoi kul'tury* [From the History of Russian Culture], vol. 1, eds. by A.D. Koshelev, V.Ia. Petrukhin. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 2000, pp. 500–519. (In Russian)
- 27 Nazarenko, A.V. *Drevniaia Rus' na mezhdunarodnykh putiakh: Mezhdistsiplinarye ocherki kul'tury, torgovli, politicheskikh sviazei IX–XII vekov* [Old Russia on International Routes: Interdisciplinary Essays on Culture, Trade, Political Relations of the 9th–12th Centuries]. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 2001. 784 p. (In Russian)
- 28 Nazarenko, A.V. "Kievskii mitropolit Ioann I" ["Kievan Metropolitan Ioann I"]. *Drevniaia Rus': Voprosy medievistiki*, no. 3, 2007, pp. 76–77. (In Russian)
- 29 Nasonov, A.N. "Russkaia zemlia" i obrazovanie territorii Drevnerusskogo gosudarstva: *Istoriko-geograficheskoe issledovanie. Mongoly i Rus': Istorii tatarskoi politiki na Rusi* ["Russian Land" and the Formation of the Territory of the Old Russian State: Historical and Geographical Research. Mongols and Russia:

- History of Tatar Politics in Russia*], 2nd ed. St. Petersburg, Nauka Publ., 2006. 416 p. (In Russian)
- 30 Petrukhin, V.Ia. “Drevniaia Rus’ Narod. Kniaz’ia. Religiiia” [“Old Rus’ People. Princes. Religion”]. *Iz istorii russkoi kul’tury* [From the History of Russian Culture], vol. 1, ed. by A.D. Koshelev, V.Ia. Petrukhin. Moscow, Iazyki russkoi kul’tury Publ., 2000, pp. 11–410. (In Russian)
- 31 Petrukhin, V.Ia. “Khristianstvo na Rusi vo vtoroi polovine X — pervoi polovine XI v.” [“Christianity in Russia in the Second Half of the 10th — the First Half of the 11th Century”]. *Khristianstvo v stranakh Vostochnoi, Iugo-Vostochnoi i Tsentral’noi Evropy na poroge vtorogo tysiacheletiiia* [Christianity in the Countries of Eastern, Southeast and Central Europe on the Threshold of the Second Millennium], ed. by B.N. Floria. Moscow, Iazyki slavianskoi kul’tury Publ., 2002, pp. 60–132. (In Russian)
- 32 Likhachev, D.S., and Adrianova-Peretz V.P., editors. *Povest’ vremennykh let* [The Primary Chronicle], 2nd ed. St. Petersburg, Nauka Publ., 1996. 667 p. (In Russian)
- 33 Podskal’ski, G. *Khristianstvo i bogoslovskaiia literatura v Kievskoi Rusi (988–1237)* [Christianity and Theological Literature in Kievan Rus (988–1237)], 2nd ed., revised, trans. by A.V. Nazarenko, ed. by K.K. Akent’ev. St. Petersburg, Vizantinorossika Publ., 1996. 576 p. (In Russian)
- 34 Polevoi, N.A. *Istoriia russkogo naroda* [History of the Russian People], vol. 1. Moscow, Veche Publ., 1997. 640 p. (In Russian)
- 35 Poppe, A.V. “Zemnaia gibel’ i nebesnoe torzhestvo Borisa i Gleba” [“Earthly Death and Heavenly Triumph of Boris and Gleb”]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature], vol. 54. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2003, pp. 304–336. (In Russian)
- 36 Presniakov, A.E. *Kniazhoe pravo v Drevnei Rusi. Lektsii po russkoi istorii. Kievskaiia Rus’* [Princely Law in Old Russia. Lectures on the Russian History. Kievan Rus’], ed. by M.B. Sverdlov. Moscow, Nauka Publ., 1993. 635 p. (In Russian)
- 37 Priselkov, M.D. *Ocherki po tserkovno-politicheskoi istorii Kievskoi Rusi X–XII vv.* [Essays on the Church-Political History of the 10th–12th centuries Kievan Rus’]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2003. 245 p. (In Russian)
- 38 Ranchin, A.M. *Boris i Gleb* [Boris and Gleb]. Moscow, Molodaia gvardia Publ., 2013. 298 p. (In Russian)
- 39 Ranchin, A.M. *Pamiatniki Borisoglebskogo tsikla: Tekstologiiia, poetika, religiozno-kul’turnyi kontekst* [The Works of the Borisoglebian Cycle: Textology, Poetics, Religious and Cultural Context]. Moscow, Universitet Dmitriia Pozharskogo Publ.; Russkii fond sodeistviia obrazovaniuu i nauke Publ., 2017. 512 p. (In Russian)
- 40 Ranchin, A.M. “Skazanie o prizvanii variagov: fakty, gipotezy, domysly” [“The Legend of the Calling of the Varangians: Facts, Hypotheses, Speculation”]. *Rossiiia XXI*, no. 1, 2018, pp. 132–161. (In Russian)
- 41 *Sviatye kniaz’ia-mucheniki Boris i Gleb: Issledovanie i podgot. tekstov N.I. Miliutenko* [Holy Princes Martyrs Boris and Gleb: Research and Preparation texts by N.I. Milyutenko]. St. Petersburg, Aleksei Obyshko’s Publ., 2006. 432 p. (In Russian)

- 42 Solov'ev, S.M. *Istoriia Rossii s drevneishikh vremen* [History of Russia since Old Times], book 1 (vol. 1–2). Moscow, Izdatel'stvo sotsial'no-ekonomicheskoi literatury Publ., 1959. 811 p. (In Russian)
- 43 Uspenskii, B.A. *Boris i Gleb: Vospriiatie istorii v Drevnei Rusi* [Boris and Gleb: Perception of History in Old Rus']. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 2000. 128 p. (In Russian)
- 44 Khoroshev, A.S. *Politicheskaiia istoriia russkoi kanonizatsii (X–XVI vv.)* [The Political History of Russian Canonization (10–16 Centuries)]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta Publ., 1986. 207 p. (In Russian)
- 45 Shaikin, A.A. “‘Ostavim vse, kak est' (po povodu sovremennykh interpretatsii ubiistva Borisa i Gleba)’ [“Let's leave it as it is' (Regarding Modern Interpretations of the Murder of Boris and Gleb)”. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature], vol. 54. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2003, pp. 337–369. (In Russian)
- 46 Shakhmatov, A.A. *Istoriia russkogo letopisaniia* [History of Russian Annals], vol. 1, book 1. St. Petersburg, Nauka Publ., 2002. 484 p. (In Russian)
- 47 Shliakov, N.V. *O pouchenii Vladimira Monomakha* [About the Instruction by Vladimir Monomakh]. St. Petersburg, Tipografia V.S. Balasheva i Ko Publ., 1900. 116 p. (In Russian)
- 48 Cook, R. “Russian History, Icelandic Story and Byzantine Strategy in *Eymunder páttir Hringssomur*.” *Viator*, vol. 17, 1986, pp. 65–89. (In English)
- 49 Florja, B.N. “Václavská legenda a borisovsko-glebovský kult (shody a rozdíly).” *Československý časopis historický*, ročn. XXVI, nr 1, 1978, pp. 83–96. (In Czech)
- 50 Ingham, N.W. “The Martyred Prince and the Question of Slavic Cultural Continuity in the Early Middle Ages.” *Medieval Russian Culture*, [vol. 1], ed. by H. Birnbaum and Moscow, Flier. Berkeley; Los Angeles; London, University of California Press, 1984, (California Slavic Studies. Vol. 12), pp. 26–37. (In English)
- 51 Poppe, A. “La naissance du culte de Boris et Gleb.” *Cahiers de civilization medieval*, XXIV année, nr. 1, 1981, pp. 29–54. (In French)
- 52 Poppe, A. “Spuścizna po Włodzimierzu Wielkim: walka o tron kijowski 1015–1019.” *Kwartalnik Historyczny, rocznik CII*, nr. 3–4. 1995, pp. 3–22. (In Polish)
- 53 Volkov, V. *Vladimir the Russian Viking*. 3rd print. Woodstock; New York, The Overlook Press, 1998. 384 p. (In English)

***

Информация об авторе: Андрей Михайлович Ранчин — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Ленинские горы, ГСП-1, 1-й корпус гуманитарных факультетов, 119991 г. Москва, Россия.

E-mail: aranchin@mail.ru

Information about the author: Andrey M. Ranchin, DSc in Philology, Assistant Professor, Professor of the Department of History of Russian Literature at the philological faculty at Lomonosov Moscow State University; Lomonosov Moscow State University, Leninskie gory, 1, the 1st corpus of humanitarian faculties, 119991 Moscow, Russia.

E-mail: aranchin@mail.ru

***

Для цитирования: Ранчин А.М. К вопросу о памятниках Борисоглебского цикла как исторических источниках // *Герменевтика древнерусской литературы*. Сборник 20 / Ин-т мировой литературы РАН; гл. ред. О.А. Туфанова. М.: ИМЛИ РАН, 2021. С. 85–119. <https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2021-20-85-119>

© 2021, А.М. Ранчин

For citation: Ranchin, A.M. “To the Question of the Works of Borisoglebian Cycle as Historical Sources.” *Germevntika drevnerusskoi literatury* [*Hermeneutics of Old Russian Literature*]. Issue 20. Ed.-in-chief O.A. Tufanova. Moscow, IWL RAS Publ., 2021, pp. 85–119. (In Russian) <https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2021-20-85-119>

© 2021, Andrey M. Ranchin